

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

Михаил Сергеевич ДЕМИНЦЕВ –
аспирант кафедры истории древнего мира
и средних веков
факультета истории и политических наук

Проблема политических воззрений Георгия Пахимера в отечественной историографии

УДК 930.1+931

АННОТАЦИЯ. Предметом статьи является исследование степени изученности политических воззрений Георгия Пахимера в трудах российских историков. Статья обобщает основные точки зрения российских ученых на политические взгляды византийского мыслителя. Таким образом, выявлена новая проблематика, требующая ее разрешения и дальнейших исследований.

The article deals with George Pachymeris political views and their historical aspect. The article summarizes Russian historians' approaches to his political ideas. The author argues that the Pachymeris works have not been studied to the full extent, and thus a new perspective in this field could be revealed.

Изучение политической и правовой мысли Византии как в отечественной, так и в зарубежной историографии неразрывно связано с исследованиями в сфере византийской культуры и искусства. В связи с этим нельзя не обратить внимание на все нарастающий и повышенный интерес к одному из ярчайших эпизодов византийской истории, а именно времени правления династии Палеологов (1259–1453 гг.). Эта эпоха в целом давно и справедливо признана вершиной, своеобразной кульминацией византийской цивилизации в области культуры и искусства [1]. Как никогда в истории Византийской империи среди определенного круга интеллектуалов проявляется стремление к широкому освоению наследия античного мира, к его переосмыслению и более глубокому пониманию.

Расширение знаний о многообразии явлений политической, духовной, интеллектуальной жизни византийской цивилизации, возникших в связи с реставраци-

ей империи с центром в Константинополе в 1261 г., что впоследствии в византистике стало принято называть Палеологовским Возрождением, кажется маловероятным без осуществления реконструкции политических воззрений наиболее видных его представителей.

Неоспоримым фактом является то, что восстановление империи вновь превращает Константинополь в центр интеллектуальной и духовной жизни византийского общества. Как и прежде, столица становится средоточием образованности и просвещения. В город возвращаются многие представители науки и культуры из Никеи, Трапезунда, Эпира [2].

Одним из тех, кто вернулся в столицу на Босфоре из «никейского изгнания», был и Георгий Пахимер (1242–ок. 1310 гг.), выдающийся церковный и политический деятель, ученый-энциклопедист и литератор. Пахимер, несомненно, стоит у истоков Палеологовского Ренессанса и оказывается в числе немногих адептов аристотелизма в поздней Византии. Будучи эрудированным и образованным человеком своей эпохи, Пахимер оставил богатое наследие гуманитарного, политико-правового и естественнонаучного характера. На данный момент, несмотря на внушительные успехи, достигнутые зарубежными и российскими учеными в исследовании результатов плодотворной интеллектуальной деятельности Пахимера, личность последнего во многом еще представляет собой объект актуального изучения.

Автором этого очерка ставится скромная цель — освещение степени изученности одного из аспектов мировоззрения Пахимера в отечественной историографии. Как нам представляется, изучение политических воззрений византийского интеллектуала позволит гораздо полнее осмыслить политическую и правовую культуру поздней Византии.

Естественно, что интерес к Пахимеру, к такому аспекту его мышления, как политические взгляды, не мог не найти отражения в частных работах и коллективных трудах, созданных отечественными византистами и историками культуры [3]. Вместе с тем мы не можем не согласиться, что приоритет в изучении наследия византийского историка всегда принадлежал зарубежным византистам. Неизмеримо большой вклад в изучение наследия Пахимера внесли такие известные исследователи, как В. Лоран, П. Таннери, А. Фойе, Г. Хунгер, С. Лампакес и др. [4].

В русской историографии труды Пахимера стали использоваться с рубежа XVIII–XIX вв. Уже у Н. М. Карамзина в «Истории Государства Российского» мы находим упоминание о Пахимере и ссылки на его «Историю о Михаиле и Андронике Палеологах» [5]. Особый интерес к личности и творчеству мыслителя проявился в связи с подготовкой перевода его главного сочинения на русский язык и его последующего издания. «История» первых двух Палеологов вошла в серию сочинений византийских авторов, переведенных на русский язык в 50–60 гг. XIX в. [6]. Издание текста «Истории» Пахимера оказалось незавершенным, так как вышла только первая часть его труда, состоящая из шести книг и повествующая о правлении императора Михаила VIII Палеолога. Несмотря на существенные недостатки перевода и крайний минимум комментариев, указанное издание первых шести книг «Истории» на русском языке остается до сих пор единственным. Вторая же половина источника, а именно семь книг, охватывающие время царствования Андроника II Палеолога, полностью на русский язык к настоящему времени так и не переведена. К сожалению, научный интерес к богатому наследию Пахимера в рассматриваемый период этим был исчерпан.

Качественно новым этапом в исследовании мыслительной деятельности византийского автора стала постреволюционная отечественная историография. Впервые была осуществлена попытка обозначения и выявления проблемы политической ориентации Пахимера. По мнению А. П. Каждана, «по своим политическим взгля-

дам Пахимер примыкал к той группе фанатичного византийского монашества, которое относилось с резкой враждебностью к попыткам добиться церковной унии с Западом» [7]. В то же время обозначились и сомнения в подобных конструктах.

В частности, И. П. Медведев в одной из своих работ [8] отмечал, что существовавшие в Византийской империи до XIV в. две культурные традиции — богословская и светская — образуют некий своеобразный симбиоз, «тесно между собой переплетаются, четкую грань трудно провести, еще возможно их совмещение не только вовне, т. е. в обществе, но и внутри одного и того же деятеля» [9] Пахимер же, как считает И. П. Медведев, и является представителем такого светско-богословского типа мышления.

В дальнейшем изучение интеллектуального наследия поздневизантийских мыслителей, в том числе и Пахимера, связано с именами С. С. Аверинцева, М. В. Бибикова, Д. А. Коробейникова, К. В. Хвостовой [10]. В этот период (80–90 гг. XX в.) можно отметить некоторые новые тенденции, использование более мягких оценочных характеристик творчества Пахимера, отказ от эпатажирующе резких формулировок в отношении стиля выражения пахимеровой мысли, бытовавших в прежней историографии, достаточно вспомнить такие тропы, как «ложноэллинический патриотизм» [11], «странный эклектизм» [12], «отрицательный пример бездумного подражания великим древнегреческим историкам» [13] и т. п. Хотя историческая проза Пахимера воспринимается как «на редкость лишенная идеи ясности» [14], она начинает находить свое объяснение и оправдание. Согласно Аверинцеву, перед византийскими интеллектуалами гуманистической ориентации стояли преграды, обусловленные сложностью языковой, социальной и культурной среды [15].

Занимаясь проблемами провиденциального мышления и историко-философских воззрений византийских интеллектуалов, К. В. Хвостова [16] осуществила анализ философской лексики Георгия Пахимера. Автор смогла раскрыть механизм понимания Пахимером причинно-следственных связей хода истории в соответствии с его провиденциалистскими настроениями. По мнению Хвостовой, Пахимер допускал наличие в государстве различных политических групп, отличающихся политической и конфессиональной ориентацией; это обстоятельство вело к непредсказуемости и возможности «нескольких политических исходов» [17]. Подобные воззрения отражают внутреннюю политическую нестабильность византийского общества второй половины XIII в., как следствие раскола арсенитов и Лионской унии 1274 г. [18].

Освещая гуманистическое содержание литературного творчества поздней Византии, М. В. Бибиков также не мог миновать наследия Пахимера, в трудах которого антикизирующие тенденции проявились достаточно ярко. М. В. Бибиков отмечает глубокую приверженность Пахимера принципам антикизации, увлечение которыми делает его «живым ревнителем идей эллинского патриотизма» [19]. Рассматривая внешнеполитические воззрения Пахимера в целом, Бибиков делает вывод о враждебном настрое византийского мыслителя по отношению к католическому Западу. Чувства его эмоционально обострены вследствие осознания «слабости существующей системы» [20]. Действительно, как полагает Бибиков, имеющееся и отмеченное в произведениях Пахимера «состояние напряженности социально-психологической атмосферы в государстве было отражением реальной ситуации, а не субъективной рефлексии историка» [21].

Согласно воззрениям С. П. Карпова на интересующую нас проблему, «Пахимер не расходился с основными тенденциями внешней политики Михаила VIII» [22], почему он являлся типичным выразителем идеи исключительного положения византийских императоров в иерархии христианских государей. Мало обращая внимание на поразительные противоречия между политическими амбициями Палео-

логов и той действительностью, которая окружала империю ромеев, Пахимер ничуть не сомневался в предустановленном порядке вещей. Так, он с пренебрежением относился к правителям Трапезунда, намеренно занижал их императорский статус, называя великих Комнинов «князьями лазов» [23].

Суммируя наиболее существенные моменты отечественной историографии рассматриваемого вопроса, мы можем подвести некоторые итоги.

Большинство исследователей приходят к выводу о том, что Пахимер, как лицо близко стоящее к церковному клиру, в своих религиозно-политических представлениях выражал общую для поздневизантийской православной ортодоксии идею неприемлемости притязаний латинского Запада во главе с римским папой на супрематию в христианском мире. Эта общая идея определила и более частные политические симпатии и антипатии Пахимера, в частности, неприятие внешнеполитического курса императора Михаила VIII Палеолога, направленного на сближение с католической церковью [24]. Наряду с мнением о принадлежности Пахимера к числу фанатичных церковных антизападников (по оценкам А.П.Каждана и его последователей), в историографии нашла выражение идея о политической индифферентности Пахимера (С. П.Карпов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Hunger H. Von Wissenschaft und kunst der fruher Palaiologenzeit // Hunger H. Byzantinische Grundlagenforschung. L., 1973. №20; Sevcenko J. The Palaeologan Renaissance // *Renaissances before the Renaissance: cultural Revivals of late Antiquity and the Middle Ages* / Ed. by W. Treadgold. Stanford, 1984.
2. Культура Византии. XIII — первая половина XV в. М.: Наука, 1991. С. 225–226.
3. История Византии. М.: Наука, 1967. Т.3; Памятники византийской литературы IX–XV веков. М., 1969; Фрейберг Л.А., Попова Т.В. Византийская литература эпохи расцвета IX–XV вв. М., 1978; Культура Византии XIII–первой половины XV в. М., 1991; Бибииков М.В. Историческая литература Византии. СПб.: Алетейя, 1998.
4. Laurent V. L' Histoire Byzantine de Georges Pachymere. Un nouveau temoin «U Athen. Cennad. 40» // *Byzantion*. 1931. Vol. 6. P. 355–367; Tannery P., Stephanou E. *Quadrivium de Georges Pachymere*. Vatican., 1940; Failler A. *Pachymeriana quaedam* // *Revue des Etudes byzantines*. 1982. Vol. 40. P. 187–199; Failler A. *Pachymeriana altera* // *Revue des Etudes byzantines*. 1988. Vol. 46. P.67–83; Failler A. *Pachymeriana nova* // *Revue des Etudes byzantines*. 1991. Vol. 49. P. 171–195; Hunger H. *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. Mönich., 1978; Lampakis S. Some considerations on the historical work of George Pachymeris // *XX Inter. Byz. kongr. Paris*. 2001. Vol. III. P. 73.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Наука, 1992. Т. 4. С. 98, 215, 251, 369.
6. Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах. СПб., 1862.
7. История Византии. М., 1967. Т. 3. С.8–9.
8. Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб.: Алетейя, 1997. С. 38–39.
9. Медведев И. П. Там же. С.38–39.
10. Бибииков М. В., Красавина С.К. Некоторые особенности исторической мысли поздней Византии // *Культура Византии XIII — первая половина XV вв.* М., 1991. С. 281; Бибииков М. В. Историческая литература Византии. СПб.: Алетейя, 1998. С. 235–236; Бибииков М. В. Сведения о прении в письмах Григория Кипрского и «Истории» Георгия Пахимера // *Зборник Радова византолошки институт. Београд*. 1976. Т. 17. С. 93–99; Хвостова К.В. Философия истории Григория и Пахимера и современная информатика // *Византийский временник*. М., 1986. Т.46. С. 146–156; Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С.286–287; Коробейников Д.А. Из ЕУГГРАФ1КОМ IETOPION Георгия Пахимера // *Византийский временник*. М., 2000. Т.59. С.288 — 292; Коробейников Д.А. Восстание в Кастамону 1291–1293 // *Византийские очерки*. СПб., 2001. С.74–111.
11. История Византии. М., 1967. Т.3. С. 8–9.

12. Фрейберг Л. А, Попова Т. В. Византийская литература эпохи расцвета IX–XV вв. С. 241.
13. Памятники византийской литературы IX–XIV вв. С. 310.
14. Аверинцев С. С. Риторика и истоки. С. 287.
15. Там же. С. 287.
16. Хвостова К. В. Философия истории Георгия Пахимера и современная информатика // Византийский временник. М., 1986. Т. 46. С. 146–156.
17. Там же. С. 155.
18. Горянов Б. Т. Религиозно-полемическая литература по вопросу об отношении к латинянам в XIII–XV вв // Византийский временник. М., 1956. Т. 8. С. 132–142; Лебедев А. П. Исторические очерки состояния византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. СПб.: Алетейя, 1998; Троицкий И. Е. Арсений, патриарх Никейский и Константинопольский и арсениты (К истории восточной церкви в XIII в.) СПб., 1873; Михайленко С. В. Роль арсенитов в политической жизни Византии в начале XIV в. // Мир православия. Волгоград. 2002. Вып. 4. С. 77–102.
19. Бибииков М. В. Историческая литература Византии. С. 236.
20. Там же. С. 237.
21. Там же. С. 237.
22. Карпов С. П. Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII–XV вв // Византийский временник. М., 1973. Т. 35. С. 154–164.
23. Там же. С. 159.

Ольга Андреевна ПОПОВА –

старший преподаватель

кафедры иностранных языков

факультета истории и политических наук

Диалог Ульриха фон Гуттена «Арминий»

УДК 94(430)

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются политические воззрения немецкого гуманиста Ульриха фон Гуттена. Акцент делается на формулирование национальной идеи Гуттена на основе его обращения к героическому прошлому древних германцев. Автором рассматривается диалог Ульриха фон Гуттена «Арминий».

This article presents political views of a German humanist Ulrich von Hutten. Formulation of Huttens national idea on the bases of heroic past of the ancient Germans is stressed. The author considers the dialogue of Ulrich von Hutten «Arminius».

Ульрих фон Гуттен занимает исключительное место в истории немецкого гуманизма и так называемого «Северного Возрождения» [1]. В отличие от большинства представителей гуманистической мысли он обращался не столько к идеалам классической древности, великому прошлому Древней Греции и Рима, сколько к историческому наследию древних германцев. В этой связи особый интерес приобретает обращение Ульриха фон Гуттена к Арминию (16 г. до н. э. – 21 г. н. э.), героическому вождю эпохи войн германцев с Римом.

Нельзя не признать достижений предшествующей историографии в осмыслении интеллектуального наследия Гуттена в целом и его национальной идеи в частности. Уже усилиями немецких просветителей И. Г. Гердера (1744–1803), И. В. Гуте (1749–1832) и К. М. Виланда (1733–1813) сочинения и переписка Гуттена получили широкое общественное звучание, а сам Гуттен приобрел статус национального героя Германии.